

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

БИБЛИОГРАФИЯ
СОВЕТСКИХ РАБОТ
ПО ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
за 1945—1955 гг.

С о с т а в и л и

В. А. Колобанов, О. Ф. Коновалова и М. А. Салмина

Под редакцией и со вступительной статьей

Д. С. ЛИХАЧЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · 1956 · Ленинград

ОБ ИТОГАХ И ЗАДАЧАХ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI—XVII вв.

Подведение итогов науки всегда очень трудно и всегда необходимо. Итоги позволяют наметить пути дальнейшего развития науки, очередные ее задачи. Без ясного представления о том, что сделано и что предстоит еще сделать, невозможно определить актуальность той или иной частной темы исследования.

Подводить итоги науки механически невозможно. Статистические сведения вряд ли что-либо дадут. Простое библиографическое перечисление тем исследований не обрисует их *результатов*. Результаты же могут быть оценены только в свете тех *задач*, которые стоят перед наукой. Вот почему прежде всего коротко скажем о самых общих задачах изучения древней русской литературы, затем об итогах ее, а под конец снова обратимся к задачам, но уже к конкретным, — на ближайшие годы, с учетом наших сил и возможностей. Само собой разумеется, что характеристика итогов и задач не будет исчерпывающей.

Изучение древней русской литературы входит как часть в изучение всей русской литературы в ее целом и подчиняется тем же задачам, однако область исследований древней русской литературы имеет свои особенности, резко отделяющие ее от области изучения русской литературы XIX и XX вв. В самом деле, если, например, анализ художественного мастерства писателей XIX и XX вв. может дать непосредственные результаты для современной литературной практики, если изучение истории русской литературы XIX и XX вв. в какой-то мере сближается в этом отношении с критикой, то исследование древней русской литературы такого непосредственного результата для современного нам писательского творчества дать не может. Зато оно имеет ряд других ценнейших возможностей, на которые необходимо обратить пристальное внимание.

Древняя русская литература охватывает семь веков (от XI по XVII в. включительно). Столь длительный период чрезвычайно облегчает установление закономерностей литературного развития,

которое и должно составить основную задачу изучения древней русской литературы. Иными словами, изучение древней русской литературы должно быть по преимуществу историко-литературным. Перед исследователями древней русской литературы стоит непосредственная и важная задача — вскрыть особенности историко-литературного процесса XI—XVII вв., вскрыть движущие силы этого процесса, борьбу в нем противоречий, установить отличия, а вместе с тем и связи специфических закономерностей развития литературы и общих закономерностей исторического процесса.

Создать подлинно научную историю древней русской литературы может только марксистская наука. Именно построение научной истории литературы XI—XVII вв. с раскрытием всех ее закономерностей имеет огромное теоретическое значение.

В самом деле, целый ряд историко-литературных вопросов не может быть решен только на материале русской литературы XVIII—XX вв. В частности, без привлечения материала древней русской литературы не может быть в надлежащей исторической перспективе решен вопрос о борьбе за реализм в русской литературе. Без привлечения материала древней русской литературы не может быть решена и проблема взаимоотношения литературы и фольклора, так как именно к XI—XVII вв. относится усиленное взаимодействие этих двух форм словесного творчества. Без привлечения материала древней русской литературы не может быть решен вопрос и о национальной специфике русской литературы, так как семь веков ее первоначального существования падают как раз на время существования древнерусской народности (XI—XIII вв.), образования великорусской народности (XIV—XVI вв.) и зарождения элементов русской нации (XVII в.). Вместе с тем к древнерусскому периоду русской литературы относится возникновение целого ряда литературных форм (повести, романа, стихотворства, драмы, элементов критики и т. д., и т. п.).

Изучение древнерусской литературы несомненно важно и для построения научной истории русской литературы XVIII—XIX вв. В литературоведении до сих пор еще в завуалированной форме очень сильна «санкт-петербургская» концепция истории новой русской литературы, согласно которой новая русская литература зародилась в Петербурге в «Петровское время» и не имела глубоких корней в первых семи веках существования русской литературы. Концепция эта питает и до сих пор то пренебрежительное отношение к русской литературе XI—XVII вв., которое дает себя чувствовать во многих случаях в общих курсах истории русской литературы XVIII и XIX вв. и оправдывает слабое знакомство большинства литературоведов с литературными

явлениями первого семивековья русской литературы. Между тем русское литературное развитие было непрерывным, и традиции древнерусской литературы в XVIII—XIX вв. подлежат внимательному изучению.

Суммируя всё вышесказанное, мы приходим к следующему выводу: основная задача изучения древней русской литературы состоит в построении научной истории русской литературы XI—XVII вв., вскрывающей закономерности развития, а не только хронологически каталогизирующей факты. Такой исторический подход к задачам изучения древней русской литературы осуществим только в пределах марксистской науки — самой исторической из всех наук, ибо, как писал В. И. Ленин, — «весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»¹.

В свете именно так предварительно намеченных задач изучения древнерусской литературы нам предстоит напомнить итоги ее исследования — по преимуществу за последнее десятилетие — и наметить очередные конкретные темы, стоящие сейчас перед советскими учеными, занимающимися изучением древней русской литературы.

Если мы оглянемся на тот сложный путь развития, которым шло изучение древней русской литературы, начиная с XVIII в., в течении всего XIX в. и в начале XX в., то должны будем отметить, что это изучение развивалось преимущественно по пути эмпирического накопления фактов, регистрации явлений, исследований главным образом частных вопросов.

Начиная с 60-х годов XVIII в., когда впервые стали публиковаться русские летописи, а затем и отдельные памятники древней русской литературы, русская наука сделала чрезвычайно много по выявлению древнерусских литературных произведений, по их опубликованию (сперва мало совершенному, а в XX в. более или менее удовлетворительному) и по установлению первых сведений об этих произведениях: об обстоятельствах и времени их создания, об их авторах (в тех случаях, когда это оказывалось возможным), — благодаря чему смогли появиться сборы древнерусских литературных произведений в хронологическом порядке, называть которые «историями литературы» было бы, конечно, преждевременным.

Само собой разумеется, что выявление памятников и регистрация фактов не могла быть безразличной к материалу. Оценочный момент всегда присутствовал в дворянских и буржуазных исследованиях древнерусской литературы. Этот оценочный момент

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 200.

диктовался мировоззрением исследователей XVIII—начала XIX в. и побуждал их переоценивать значение некоторых чисто церковных памятников, не замечая сильной светской струи в развитии древнерусской литературы. Мировоззрение исследователей мешало им в истолковании идейного содержания произведений и ограничивало художественный анализ внеисторическими категориями «вечно прекрасного».

Наконец, отметим, что сама регистрация фактов (столь типичная для академической науки XIX—начала XX в.) пошла по неверному пути выявления механических (а не живых) связей с прошлым, с литературами других народностей — в особенности византийской — по пути поисков устойчивых стилистических формул (например, в воинских повестях), традиционных мотивов, сюжетов, идей. В этой области были сделаны отдельные реальные наблюдения, отрицать ценность которых отнюдь не следует, но повышенный интерес к традиционному отодвигал часто на второй план исследование ростков нового, элементов новаторства в творчестве древнерусских писателей и создавал неверную перспективу историко-литературного развития XI—XVII вв. У исследователей и читателей складывалось убеждение, что никакого движения вперед в русской литературе XI—XVII вв. не было, и русская литература этого времени казалась мало подвижной, наполненной перепевами литератур других стран, прежде всего — Византии. Вся русская литература XI—XVII вв. оказывалась обращенной вспять.

В первой четверти XX в. изучение древней русской литературы сделало большой шаг вперед в трудах академиков А. А. Шахматова, В. М. Истрина, М. Н. Сперанского, А. И. Соболевского, Н. К. Никольского и В. Н. Перетца, высоко поднявших международный авторитет русской филологической науки. Этими учеными была доведена до очень высокого уровня самая техника филологического анализа литературных произведений и текстов. Исследования их были особенно плодотворными в области летописания, хронографии, переводной литературы и литературных произведений, переходных к новому периоду. Добытый этими крупнейшими русскими учеными фактический материал оказался чрезвычайно ценным для того нового, подлинно научного подхода к литературе XI—XVII вв., который был связан с постепенно начавшимся внедрением марксистской методологии в изучение древней русской литературы. Исследования А. А. Шахматовым и В. М. Истриным русских летописей и хронографов позволили в дальнейшем определить то большое место, которое занимало чисто светское начало в литературе XI—XVII вв. Исследования же ими переводной литературы дали возможность резко отделить переводную литературу от оригинальной и найти творческую

струю в русских переводах, что имело впоследствии большое значение для выявления самобытного начала в древней русской литературе¹. Кроме того, огромный подсобный материал, введенный этими учеными, облегчил работу над рукописями (особенно следует отметить значение хранящейся сейчас в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук СССР картотеки древнерусских рукописей акад. Н. К. Никольского).

Коренные, общеметодологические изменения в подходе к изучению древней русской литературы начали сказываться после Великой Октябрьской социалистической революции далеко не сразу — только в конце первой половины 30-х годов, с разгромом антиисторической «школы» М. Н. Покровского и выходом в свет «Замечаний по поводу конспекта по истории СССР» И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова в августе 1934 г.

В 1933 г. в Институте русской литературы был организован Отдел древнерусской литературы, первым заведующим которого стал акад. А. С. Орлов, и начался систематический выход «Трудов Отдела древнерусской литературы».

К числу первых, не всегда, впрочем, удачных попыток стать на марксистские позиции в изучении древнерусской литературы должны быть прежде всего отнесены работы самого А. С. Орлова: «Книга — орудие социальной борьбы»², «Переписка Маркса и Энгельса по поводу „Слова о полку Игореве“»³, «К вопросу о начале печатания в Москве»⁴ и некоторые другие. Вместе с тем, в отдельных статьях этого времени сотрудники Отдела пытались отойти от компаративистского изучения отдельных сюжетов (М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне⁵) и обратиться к изучению демократической литературы (В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в.⁶). Началось, следовательно, медленное движение по внедрению марксистского метода (пока еще с ошибками), отход от буржуазной методологии (пока еще в пересмотре подхода к отдельным сюжетам) и довольно энергичное движение по расширению репертуара памятников, обычно рассматривавшихся в историко-литературных исследованиях.

¹ Ср., например, работу Н. К. Гудзия «„История Иудейской войны“ Иосифа Флавия в древнерусском переводе», — сб. «Старинная русская повесть», М.—Л., 1941.

² Труды Комиссии по древнерусской литературе, т. I, Л., 1932.

³ Памяти Карла Маркса. Сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти — 1883—1933. Л., Изд. Акад. Наук СССР, 1933.

⁴ Сб. «Иван Федоров первопечатник». М.—Л., Изд. Акад. Наук СССР, 1935.

⁵ Труды ОДРЛ, т. III, М.—Л., 1936.

⁶ Труды ОДРЛ, т. II, М.—Л., 1935; т. III, М.—Л., 1936. Отдельное издание вышло в 1937 г.

Большое значение в борьбе с вульгарным социологизаторством в построении новой истории литературы имело первое издание учебника для вузов Н. К. Гудзия «Древняя русская литература», вышедшего в 1938 г.

На путях к построению подлинно научной истории древней русской литературы крупное значение бесспорно имела начатая во второй половине 30-х годов работа Отдела древнерусской литературы над первыми книгами десятитомной академической «Истории русской литературы». В этих томах, работа над которыми проходила в основном под руководством А. С. Орлова и В. П. Адриановой-Перетц, было собрано и охарактеризовано большое количество памятников XI—XVII вв., каждому из которых было найдено свое место в хронологической канве истории русской литературы. Вышедшие тома давали самый полный обзор памятников древней Руси — в новом их составе, определенном советским литературоведением. Это был уже не тот репертуар, который традиционно преподносился в дореволюционных общих курсах истории русской литературы. В обзор историко-литературных явлений впервые в полном своем объеме вошел богатейший материал летописей и исторических повестей. Благодаря этому удельный вес светских произведений в истории русской литературы значительно возрос.

Серьезным достижением «Истории русской литературы» явилась попытка наметить связи литературы с другими сторонами культуры (в частности — с искусством, с фольклором) и «исторические введения», написанные на уровне исторической науки своего времени, связывавшие историко-литературный процесс с общеисторическим.

Однако периодизация истории литературы не отличалась еще от той, которая существовала в советской исторической науке в момент выхода томов. Историко-литературная периодизация еще только повторяла историческую. Процесс развития литературы не был вскрыт в его закономерностях, а намечен лишь хронологической расстановкой памятников. Вскрыть самую суть процесса развития литературы можно было только одним путем — путем выявления тех противоречий, которые лежат в его основе, классовой борьбы, в нем отразившейся, базиса, на котором он вырос. Все эти проблемы не были решены в литературоведении даже приблизительно, а отчасти не были еще и намечены. К моменту выхода наших томов не существовало никаких работ о классовом характере русской литературы XI—XVII вв., а изучение художественной формы велось мало. Результатом было то, что историко-литературный процесс был представлен в наших томах решительно всеми их авторами как некая объединяющая все памятники хронологическая их каталогизация. Отрицательно

сказалось и то невнимательное отношение, которое было свойственно литературоведению тридцатых и начала сороковых годов к вопросам художественной формы. Как бы то ни было, первые тома «Истории русской литературы» сыграли свою роль, они будили мысль самым своим материалом, отдельные удачные мысли при всей пестроте и различии авторских интересов (в написании древнерусской части академической «Истории русской литературы» принимало участие 18 авторов) направляли историко-литературные исследования.

«История русской литературы» привлекла внимание к целому ряду проблем. Так, например, несомненно, что заглохший было интерес к памятникам начала XVII в. — эпохи крестьянской войны и польско-шведской интервенции — пробудился у специалистов в связи с работой над соответствующими главами В. П. Адриановой-Перетц, В. Л. Комаровича, С. К. Шамбинаго, М. О. Скрипиля и др.

В ряде глав были впервые опубликованы результаты большой исследовательской работы, выполненной специально для «Истории русской литературы». Среди них могут быть отмечены: глава В. Л. Комаровича о Лаврентьевской летописи, глава А. И. Никифорова о фольклоре Киевского периода, отдельные этюды М. О. Скрипиля о некоторых повестях и особенно — обобщающие разделы В. П. Адриановой-Перетц.

Томы академической «Истории русской литературы», посвященные литературе древней Руси, явились смотрам состояния нашего литературоведения. В них с особенной рельефностью выступили все достоинства и все недостатки изучения древней русской литературы конца 30-х начала 40-х годов.

Уже в самой «Истории русской литературы» были намечены практические меры к преодолению тех недостатков, которые были типичны для изучения древнерусской литературы в конце 30-х — начале 40-х годов и которые в столь серьезной степени сказались в «Истории». Были приняты меры к использованию опыта соседних научных дисциплин. К работе над первыми томами «Истории русской литературы» были привлечены историки и искусствоведы: М. Д. Приселков, Б. М. Боровский, Н. Н. Воронин, Д. В. Айналов.

В дальнейшем совместная работа литературоведов-медиевистов с историками стала особенно плодотворной. Это помогло теснее связать изучение литературных памятников с исторической действительностью, позволило более четко выяснить классовое лицо древнерусских литературных произведений, глубже анализировать их идейное содержание, национальные особенности, все формы связи с исторической действительностью. Вместе с историками были осуществлены в серии «Литературные памятники» издания: «Хождение Афанасия Никитина» (совместно с акад. Б. Д. Греко-

вым, Б. А. Романовым и К. Н. Сербиной), Повесть временных лет (совместно с Б. А. Романовым), Послания Ивана Грозного (совместно с Я. С. Лурье), «Сказание» Авраамия Палицына (совместно с Л. В. Черепниным). Целый ряд исследований историков, посвященных литературоведческим проблемам и литературным произведениям древней Руси, был помещен в Трудах ОДРЛ (М. Н. Тихомирова, И. У. Будовница, Н. А. Баклановой, А. А. Зимина, Я. С. Лурье, М. К. Каргера, Н. А. Казаковой). Особенно следует отметить участие в Трудах молодого поколения историков — студентов и аспирантов (Н. Н. Масленниковой, Е. Н. Кимеевой, Т. А. Колесниковой, Р. Г. Лапшиной, М. А. Салминой, М. Д. Каган, В. Н. Автократова и др.).

Совместная работа представителей близких специальностей всегда ведет к серьезному взаимному обогащению. Научные открытия очень часто делаются в настоящее время на стыках двух специальностей. Так, например, в области общественных дисциплин особенно плодотворным в советской науке оказалось соединение истории и археологии, истории и искусствоведения, лингвистики и литературоведения.

Чем объяснить успешность работы именно на стыках различных дисциплин в советскую эпоху? Отдельные научные дисциплины в буржуазной науке по большей части развивались изолированно друг от друга. Профессиональная замкнутость была свойственна литературоведам в такой же мере, как археологам и искусствоведам. Внутри каждой дисциплины вырабатывались свои методы, свои концепции. Единого объединяющего все общественные дисциплины метода буржуазная наука не знала. Вот почему объединение всех общественных наук единым марксистским методом повело к сближению различных научных дисциплин и к большим научным открытиям, часть из которых была сделана именно на запущенных участках «общих владений». Межевые границы оказались стертыми. Само собой разумеется, что такое объединение дисциплин единым методом отнюдь не упростило изучения отдельных проблем, а скорее усложнило их, так как повысило требования и к тонкости анализа и к личным знаниям ученого. В настоящее время историк, занимающийся литературными историческими источниками, обязан учитывать художественную специфику памятника, так же как литературовед должен быть в курсе всей исторической литературы по интересующей его эпохе. Правда, взаимообогащение дисциплин в результате их объединения происходит далеко не равномерно: литературоведы, занимающиеся древней русской литературой, получают от историков значительно больше, чем сами могут дать историкам. Это происходит главным образом потому, что историческая наука в области изучения древней Руси развивается глубже и разносто-

роннее, чем изучение древнерусской литературы, которой занимается очень немногочисленный состав специалистов-литературоведов.

Совместная работа с историками позволила литературоведам, занимающимся XI—XVII вв., глубже вскрыть идейное содержание памятников.

В результате совместной работы литературоведов-медиевистов и историков создались общие научные интересы в области изучения древней литературы, общие методические приемы подхода к материалу — главным образом в анализе идейного содержания памятников.

Одним из первых литературоведов, сблизивших свои научные интересы с научными интересами историков феодального периода, явился В. Ф. Ржигга. Наиболее интересные работы В. Ф. Ржигги послеоктябрьского периода посвящены «крупнейшему из мыслителей по вопросам переустройства общества»¹ XVI в. Ермолаю Еразму² и Максиму Греку³. Оба исследования широко использовали достижения исторической науки и, в свою очередь, привлекли к себе пристальное внимание историков, занимающихся XVI в.

Литературные памятники в тесной связи с исторической действительностью изучаются также в исследованиях А. Н. Робинсона — «Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г.»⁴, В. М. Гуссова — «Историческая основа Моления Даниила Заточника»⁵, И. У. Будовница — «Памятник ранней дворянской публицистики (Моление Даниила Заточника)»⁶, И. М. Кудрявцева — «Послание на Угру Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в.»⁷, Н. Н. Масленниковой — «Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства»⁸, М. Н. Тихомирова — «Где и когда было написано Слово о гибели Русской земли»⁹, М. О. Скрипиля — «Сказание о Вавилоне граде»¹⁰, Г. Н. Моисеевой — «Автор Казанской истории»¹¹,

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.—Л., 1946, стр. 760.

² В. Ф. Ржигга. Литературная деятельность Ермолая Еразма. — Летопись занятий Археографической комиссии, т. 33, Л., 1926.

³ В. Ф. Ржигга. Опыты по истории русской публицистики XVI в. — Труды ОДРЛ, т. II, 1935.

⁴ Труды ОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948.

⁵ Там же, т. VII, М.—Л., 1949.

⁶ Там же, т. VIII, М.—Л., 1951.

⁷ Там же.

⁸ Там же. См. также ее книгу «Присоединение Пскова к Русскому Централизованному государству» (изд. ЛГУ, 1955).

⁹ Труды ОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951.

¹⁰ Там же, т. IX, М.—Л., 1953.

¹¹ Там же.

Я. С. Лурье — «Из истории русского летописания конца XV в.»¹,
А. А. Зими́на — «„Беседа Валаамских чудотворцев“ как памятник позднего нестяжательства»².

Сближение литературоведения с исторической наукой сказалось и в обширной исследовательской литературе по «Слову о полку Игореве». Большое значение имел ряд работ литературоведов и историков, позволивших точнее определить место «Слова о полку Игореве» среди литературных и публицистических произведений именно XII в. и связать «Слово» с исторической обстановкой времени его создания.

Особенно следует отметить ряд работ историков феодального периода по древнерусской литературе и публицистике, напечатанных ими отдельно (таких, например, как книга И. У. Будовница: «Русская публицистика XVI в.», М.—Л., 1947, к которой постоянно приходится обращаться литературоведам) или в исторических периодических изданиях³.

Помощь историков была также существенна в области обсуждения и рецензирования трудов по древней русской литературе. Историки постоянно рецензировали работы Сектора в своих изданиях (рецензии на работы Сектора регулярно помещались в журнале «Вопросы истории», в «Известиях ОИФ АН СССР», отдельные статьи в «Исторических записках» затрагивали издания Сектора и т. д.⁴). Историки принимали деятельное участие в обсуждении работ Сектора (в 1951 г. на Совещании по переводам «Слова о полку Игореве»; в мае 1952 г. на заседании Бюро ОЛЯ АН СССР; в мае 1953 г. на расширенном заседании Бюро ОЛЯ АН СССР, посвященном обсуждению трудов Сектора древнерусской литературы; в мае 1955 г. на Совещании по изучению древнерусской литературы, происходившем в Институте русской литературы АН СССР в Ленинграде; и др.). Наконец, в ряде исторических журналов печатались работы специалистов по древнерусской ли-

¹ Труды ОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955.

² Там же.

³ См., например, интересную работу И. И. Смирнова «„Беседа валаамских чудотворцев“ и ее место в русской публицистике XVI в.» — Исторические записки, № 15, 1945; или работу Л. В. Черепнина «„Смута“ в историографии XVII в. (из истории древнерусского летописания)». — Исторические записки, № 12, 1941; и др. Из отдельных изданий отметим также работу А. И. Андреева «Очерки по источниковедению Сибири. XVII век». Л., 1939—1940, в которой дана свежая характеристика сибирских летописей.

⁴ Отмечу прежде всего статью В. Т. Пашуто «За марксистско-ленинскую историю литературы» (Вопросы истории, 1950, № 3) и его же рецензии на VIII и IX тт. «Трудов Отдела древнерусской литературы» (Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка, 1954, № 2).

тературе (Вопросы истории, Известия ОИФ АН СССР, Исторические записки и др.).

Совместная работа с историками оказалась чрезвычайно плодотворной для изучения древней русской литературы: она обогатила метод изучения, оказав существенную помощь в борьбе с фактографичностью, формализмом (позволив, в частности, преодолеть изучение отдельных жанров как имманентно замкнутых и саморазвивающихся), дала твердую историческую основу для изучения классового характера литературы, позволила конкретно-исторически рассматривать проблему периодизации и т. д.

Очень большая научно-организационная деятельность по сближению литературоведения русского средневековья с исторической наукой была развернута чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, руководившей вместе с акад. А. С. Орловым работой Сектора древнерусской литературы во время Великой Отечественной войны и ставшей заведующей Сектором в 1947 г. после смерти акад. А. С. Орлова. Необходимость сближения изучения древнерусской литературы с исторической наукой была отчетливо отмечена в ряде работ В. П. Адриановой-Перетц в Трудах Отдела древнерусской литературы, в частности, в ее обобщающих статьях: «Основные задачи изучения древнерусской литературы в исследованиях 1917—1947 гг.»¹, «Историческая литература XI—начала XV века и народная поэзия»², «Исторические повести XVII века и устное народное творчество»³, «Крестьянская тема в литературе XVI века»⁴ и др.

Обобщающие труды последнего десятилетия по древнерусской литературе, с одной стороны, выросли на основе текстологического пересмотра рукописного наследия древней Руси, которое началось в послевоенные годы, с другой — отразили на себе возросший научно-общественный интерес к проблемам национальной специфики русской литературы, к проблемам ее народности, связей с фольклором и т. д.

Проблемы эти частично были поставлены совершенно по-новому.

По-новому была поставлена прежде всего проблема народности древнерусской литературы и ее связей с фольклором⁵. На-

¹ Труды ОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948.

² Там же, т. VIII, М.—Л., 1951.

³ Там же, т. IX, М.—Л., 1953.

⁴ Там же, т. X, М.—Л., 1954.

⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Древне-русская литература и фольклор. — Труды ОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949; Историческая литература XI—начала XV века и народная поэзия. — Там же, т. VIII, М.—Л., 1951; Исторические повести XVII века и устное народное творчество. — Там же, т. IX, М.—Л., 1953; «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. — «Слово о полку Игореве», М.—Л., 1950, Серия «Литературные памятники»;

родность литературы изучается сейчас в тесной связи с классовой борьбой, а самая классовая борьба в литературе понимается гораздо глубже и менее упрощенно, чем раньше. Народные идеи проникают в литературу господствующего класса через его прогрессивных представителей. Народность не чужда литературе, созданной в среде прогрессивной части феодалов. Взаимоотношения фольклора и литературы также рассматриваются сейчас не только в плане механистических сопоставлений отдельных элементов (метафоры, эпитеты и т. д.). Исследователи стремятся проникнуть в самую суть взаимоотношения литературного памятника и фольклора, понять памятник во всей его жизненной конкретности.

Вот почему по-новому поставлена сейчас и проблема возникновения русской литературы. Раньше эта проблема разрешалась в пределах чисто литературного материала (литературные явления, их возникновение и развитие рассматривались только в ряду литературных же явлений); сейчас проблема возникновения литературы понимается как проблема общеисторическая, как явление истории культуры, изучаются исторические предпосылки появления литературы, те потребности, которым она ответила, и т. д.¹

В области изучения художественной стороны памятников древнерусской литературы литературоведам пришлось самостоятельно искать новые пути изучения, и поиски эти не могут считаться в какой бы то ни было степени завершенными.

В изучении художественного мастерства русской литературы XI—XVII вв. в свое время заметное место заняли выдержавшие три издания «Лекции по древнерусской литературе XI—XVI вв.» акад. А. С. Орлова². На художественную сторону древнерусских литературных произведений А. С. Орлов всегда обращал особое внимание в своем преподавании.

Лекции А. С. Орлова не ставили себе задачей научного изучения развития художественного мастерства, его изменчивости. Со свойственной ему талантливостью А. С. Орлов просто и без каких-либо претензий на ученость раскрывал перед учащимися красоту отдельных пассажей, лукавство мысли, затаенный комизм:

Д. С. Лихачев. Некоторые вопросы классового характера русской литературы XI—XVII веков. — Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка, т. X, вып. 5, 1951.

¹ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952.

² В 1916 г. вышел черновой вариант этих лекций («Лекции по истории древней русской литературы, читанные на Высших женских курсах, учр. В. А. Полторацкой». М., 1916). Затем: «Древняя русская литература XI—XVI вв.». М.—Л., 1937; «Курс лекций по истории древней русской литературы». М.—Л., 1939; «Древняя русская литература X—XVII вв.». М.—Л., 1945.

положений, литературность вовсе, казалось бы, не литературных памятников (Стоглава, Домостроя, приписок на псковских рукописях и т. д.)¹, обращая внимание на те художественные детали, которые легко могли быть пропущены при чтении древнерусских произведений. Достигалось это А. С. Орловым главным образом путем «изобразительной передачи-пересказа произведений древности». В этих лекциях впервые был сделан опыт стилистической характеристики ряда памятников древнерусской литературы XI—XVI вв. (XVII века А. С. Орлов коснулся лишь вскользь в последнем издании своих лекций).

Художественному анализу А. С. Орлова, при всей талантливости, с которой он был выполнен, был присущ ряд существенных недостатков. Элементы художественности А. С. Орлов понимал вне их исторической изменчивости — как «эмоцию», «образы» и «симметрию» (или «показ»), «изображение» и «всображение»², одинаковые для всех эпох. Сам А. С. Орлов считал, что лекции его являются своеобразными «приглашениями к танцам» (выражение самого А. С. Орлова). Он подчеркивал, что в своих лекциях ставит себе целью только «приохотить» слушателей к изучению старинной нашей литературы.

За последнее десятилетие должны быть отмечены в этой же области исследования, посвященные вопросам стиля, И. П. Еремина³ и книга В. П. Адриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля древней Руси»⁴, значительно продвинувшие изучение стиля, хотя и этим работам была свойственна некоторая статичность и описательность.

Многие из искусствоведов в своих работах очень близко подходят к литературоведческим проблемам. Таковы некоторые работы М. К. Каргера, в которых своеобразный отклик находят вопросы изучения древнейшего летописания, житийной литературы и др.⁵, Н. Н. Воронина (сумевшего связать даже изучение древнерусского зодчества с литературоведческими проблемами⁶),

¹ Между прочим, акад. А. С. Орлов настойчиво указывал на элементы художественности в юридических документах (см. А. С. Орлов. Курс лекций по древне-русской литературе. М.—Л., 1939, стр. 8).

² Там же, стр. 11.

³ «Киевская летопись как памятник литературы». — Труды ОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949; «Поэтический стиль Симеона Полоцкого». — Труды ОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948.

⁴ М.—Л., 1947.

⁵ Ср., напр.: М. К. К а р г е р. Археологические исследования древнего Киева. — Киев, 1950, стр. 141—145 (о речи игумена Моисея); «К характеристике древнерусского летописца». — Труды ОДРЛ, т. XI, 1955; и др.

⁶ См., напр., его статью «„Слово о полку Игореве“ и русское искусство XII—XIII вв.» — Сб. «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, Серия «Литературные памятники».

В. Н. Лазарева (особенно его последняя работа об образе Георгия Победоносца и древнерусской живописи¹), Ю. Н. Дмитриева² и др.

Существенное значение в изучении стиля имела связь литературоведов-медиевистов с языковедами. Изучение языка древнерусских произведений всегда сближалось у нас с изучением художественной формы литературных памятников. Вспомним те изящные примеры, которые давал в своей исторической грамматике Ф. И. Буслаев. Эстетический момент присутствовал в изучении языка и у других крупнейших русских языковедов. А. П. Евгеньева в своих двух статьях, посвященных языку устной русской поэзии³, привлекла большой новый фактический материал к изучению стилистических связей между древнерусской литературой и фольклором. Некоторую помощь оказывают литературоведам-медиевистам диссертационные работы языковедов, посвященные Сибирским летописям, Слову о полку Игореве и Задонщине, но и они также пока еще накапливают фактический материал, не позволяющий делать сколько-нибудь существенных выводов в области изучения историко-литературного процесса. Сравнительное изучение стилей различных эпох, изучение изменений в стиле пока еще не производятся. Между тем, именно в историческом подходе к изучению художественной специфики древнерусской литературы лежит прочное основание для построения истории литературы. Распространенный в настоящее время описательный подход может рассматриваться только как предварительный.

Описательный подход к изучению стиля, фиксирующий известные статические моменты в процессе изменения стилей, обусловлен в первую очередь тем, что стиль до сих пор изучается в отрыве от содержания. С одной стороны, такой подход, конечно, упрощает задачи изучения (здесь могут подсчитываться и механически классифицироваться отдельные элементы стиля), но, с другой стороны, этот подход не позволяет выяснить взаимосвязи отдельных стилистических явлений (ибо связь лежит именно в содержании) и проследить их изменения. Было бы не-

¹ В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древне-русском искусстве. — Византийский временник, т. VI, 1953.

² Ю. Н. Дмитриев. Мелетовские фрески и их значение для истории древне-русской литературы. — Труды ОДРЛ, т. VIII, 1951; Теория искусства и взгляды на искусство в письменности древней Руси. — Труды ОДРЛ, т. IX, 1953.

³ А. П. Евгеньева. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (постоянный эпитет). — Труды ОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948; Язык устной русской поэзии (синонимия). — Труды ОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949.

правильным успокаиваться на этом описательном подходе к явлениям стиля, считая его необходимой предварительной стадией. Механическое накопление фактов само по себе никогда не может перейти в их объяснение. Кроме того, простая каталогизация фактов, хотя бы и в хронологическом порядке, не сможет дать картины их изменений.

Еще меньше сделано в области изучения методов художественного обобщения. Между тем, именно в этой области легче всего установить тесную зависимость способов изображения людей¹, природы, обобщения явлений — от идейного содержания произведений, а затем проследить те изменения, которые вносятся в методы художественного обобщения в различные эпохи, и установить их причины, а вместе с тем проследить развитие художественных методов, рост элементов реалистичности. Идейное содержание произведения — это его основа, плотно прилегающая к исторической почве. Только изучая стиль и метод художественного обобщения в тесной связи с идейным содержанием произведения, можно установить историческую изменчивость того и другого.

Вот почему закономерен преобладающий интерес к изучению идейного содержания произведений в тесной связи с исторической наукой, но за этим должно последовать изучение художественного мастерства произведений в тесной связи с их идейным содержанием.

Серьезные уточнения в наши представления об историко-литературном процессе могут внести новые находки даже второстепенных литературных материалов. В связи с этим, большое научное значение имеет археографическая работа по разысканию новых рукописей, проводимая главным образом В. И. Малышевым. Сведения о его археографической работе регулярно публикуются в «Трудах Отдела древнерусской литературы», в журнале «Вопросы истории» и в других периодических изданиях. Сообщаемыми им данными пользуются почти все историки древнерусской литературы, публикующие памятники. За последние годы не вышло ни одной крупной публикации памятников, которая обошлась бы без указаний В. И. Малышевым новых списков, находящихся в частных или малоизученных собраниях, без его консультаций по почеркам, филиграням и т. д.

¹ Отмечу в этой области свои работы: Проблема характера в исторических произведениях начала XVII века. — Труды ОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1949; Изображение людей в летописи XII—XIII веков. — Труды ОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954.

2 Библиография сов. раб. по древнерусск. лит.

Работа по описанию рукописных собраний тесно примыкает к работе библиографической. Работа эта пока что ведется явно недостаточно. Большое значение имела «Библиография древнерусской повести» В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской¹, «Библиография Слова о полку Игореве» В. П. Адриановой-Перетц² и такая же библиография, изданная сотрудниками Библиотеки им. В. И. Ленина под ред. С. К. Шамбинаго³. В последнее время сотрудник нашего Сектора Л. А. Дмитриев издал продолжение этих библиографий «Слова»⁴, а киевский ученый А. А. Назаревский — дополнения к «Библиографии древнерусской повести» В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской⁵.

В целом же вспомогательным дисциплинам в области изучения древнерусской литературы уделяется явно недостаточное внимание. В частности, очень серьезный недостаток нашего участка литературоведения — отсутствие обобщающих работ и отдельных теоретических исследований по вопросам текстологии. Изучение текстологии — ее теоретических основ и практических навыков в этой области — держится у нас только в устной традиции, передается при помощи семинарских занятий в университете или в процессе руководства аспирантами, но того и другого явно недостаточно. Богатейшая научная традиция и огромный накопленный опыт могут легко прерваться, так как число специалистов по древнерусской литературе крайне невелико, а умеющих работать над памятниками с большим числом списков и сложной историей текста совсем мало.

Отсутствие руководств и теоретических исследований по частным и общим вопросам текстологии тем более досадно, что в области практической мы имеем ряд крупных достижений. Эти достижения идут главным образом по пути преодоления формалистических приемов текстологической работы и превращения текстологии в историко-литературную дисциплину, тесно примыкающую к другим сторонам изучения памятника — в плане историческом, главным образом.

¹ «Древнерусская повесть». Составили В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская, вып. 1. М.—Л., 1940.

² «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. Составила В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., 1940.

³ О. В. Данилова, Е. Д. Поплавская и И. С. Романченко. Слово о полку Игореве. Библиографический указатель. Под ред. и со вступительной статьей С. К. Шамбинаго. М., 1940.

⁴ «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований 1938—1954. Составил Л. А. Дмитриев. М.—Л., 1955.

⁵ А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955.

В текстологической практике серьезнейшее значение имел опыт историков. Историки древней литературы учитывали достижения исторических изданий памятников и их теоретических работ в этой области. Особенно крупную роль сыграли вышедшие в 20-х годах выпуски Полного собрания русских летописей¹, очень интересные работы в области летописания М. Д. Приселкова (в первую очередь его издание «Троицкой летописи»)² и А. Н. Насонова³, а также работы М. Н. Тихомирова⁴, К. Н. Сербиной⁵ и др.

Из крупных текстологических работ историков, опыт которых был чрезвычайно плодотворен для литературоведов-медиевистов, следует также указать на образцовое академическое издание «Русской Правды»⁶, на издание Л. В. Черепниным документальных материалов и на новые принципы подхода к актовому материалу, давшие уже хотя и спорные, но увлекательные результаты в его книге «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.»⁷.

Основные достижения литературоведов и историков в области текстологического изучения памятников древнерусской литературы за последнее время могут быть сформулированы следующим образом.

Текстология перестала быть суммой технических приемов для издания памятников древнерусской литературы по многим спискам. Она стала научной дисциплиной, изучающей литературную судьбу текстов памятников. В качестве научной дисциплины она потеряла ту замкнутость и отъединенность от литературоведения,

¹ Рогожский летописец (Полное собрание русских летописей, т. XV, вып. 1, Пгр., 1922); Типографская летопись (там же, т. XXIV, Пгр., 1921); Новгородская четвертая летопись (там же, т. IV, вып. 2, Л., 1925; вып. 3, Л., 1929); Софийская первая летопись (там же, т. V, вып. 1, Л., 1925); Московский летописный свод конца XV века (там же, т. XXV, М.—Л., 1949).

² М. Д. Приселков. «Троицкая летопись». М.—Л., 1950; ср. также его книгу «История русского летописания XI—XV вв.», Л., 1940.

³ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия Академии Наук СССР, Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9 и 10; «Псковские летописи», вып. 1, подготовил к печати А. Насонов. М.—Л., 1941; вып. 2, М., 1955; А. Н. Насонов. О русском областном летописании. — Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии, 1945, № 4.

⁴ Мы не можем здесь упомянуть всех статей по летописанию и публикаций летописных малоизвестных текстов М. Н. Тихомирова; отметим только его публикацию «Московского летописного свода конца XV века» (см. выше).

⁵ К. Н. Сербина. Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950.

⁶ Правда Русская, т. 1. М.—Л., 1940; т. II, М.—Л., 1947.

⁷ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., т. 1. М.—Л., 1948; т. 2, М.—Л., 1951.

которая была ей свойственна, пока она оставалась практической, подсобной отраслью, необходимой только для публикации памятников. Текстология все более связывается с историей литературы, становится частью истории литературы, занимаясь историей текста памятника. Она связывается с исторической наукой, с историей общественной мысли, все большее и большее место уделяя содержанию текста, а не только его внешним признакам.

В своих выводах текстология все более опирается на анализ идейного содержания изменений текста. В настоящее время текстолог изучает памятник не по его внешним, формальным признакам, не путем механической классификации списков и подсчета разных типов разночтений в практических целях только его издания, а исследует движение текста памятника, отмечая в первую очередь все его изменения по содержанию, объясняя его движение текста, учитывая идейную и художественную значимость разночтений.

Если старая текстология прибегала к механической классификации списков памятника, разбивая их по редакциям, видам и т. д., но не объясняя (или объясняя неполно) происхождение каждой редакции, то в последнее время на смену этой механической и формальной классификации пришла история текстов, предъявившая к текстологам гораздо более серьезные требования.

Становится ясным, что только установление конкретной истории текстов, их идейно-художественного содержания, связей истории текста с классовой и внутриклассовой идеологией, с борьбой, установление конкретных личностей авторов и редакторов, конкретных обстоятельств создания текстов, дат их создания (все это, конечно, только в меру возможностей) может дать конкретно-объективные результаты.

В текстологической работе наших дней далеко не достаточно распределить списки по редакциям, выбрать для каждой редакции «основной список», к которому подвести варианты по другим спискам, приблизительно установив взаимоотношения редакций. Текстолог обязан по возможности определить значение каждой редакции, отражающей ту или иную стадию литературной истории памятника, он обязан стремиться к объяснению появления каждой редакции.

С отказом от изучения текстов только по внешним признакам, вне зависимости от содержания, отпали и старые способы изучения текстов редакций по кускам, отрывкам и эпизодам. Текст изучается в целом, в его идейной и художественной сущности.

Вместе с тем, в наши дни все более и более осознается необходимость изучать текст произведения в тесной связи с тем реаль-

ным литературным окружением, в котором он находится в составе сборников, в связи с той книжной традицией, в которой памятник до нас дошел. Очень часто тот или иной памятник входит в состав целых циклов (например, цикл новгородских произведений середины XV в., цикл произведений, связанных с иконой Николы Зараского, цикл повестей муромских и т. д.)¹. Изучение этих циклов — важная задача текстологии. Изучая традицию, в которой дошли до нас послания Грозного, удалось заметить, что эта традиция на каких-то отрезках своей истории была враждебна Грозному, произведения Грозного переписывались в составе сочинений Курбского.

Не менее интересные результаты дало изучение того традиционного окружения, в составе которого дошли до нас произведения Ивана Пересветова², Сказание о князьях Владимирских³.

Задача текстологического изучения древнерусских литературных памятников является центральной задачей нашего участка литературоведения. Издание памятников древней русской литературы — самая основа научной работы над ними.

Такое положение объясняется тем, что в древней Руси каждый памятник жил очень долгое время, иногда много столетий и, живя так, постоянно менялся — менялся в зависимости от историко-литературного развития и той социальной среды, в которую он попадал.

Судьба летописания, где старые тексты включались в новые своды, дополнялись, сокращались, менялись идейно и стилистически, — типична. Любая повесть, житие, слово, «хождение» — постоянно изменялись. Средневековье не знало авторского права и очень мало считалось с авторским текстом. Произведения литературы древней Руси жили почти так же, как живут произведения устной народной словесности, постоянно изменяясь в процессе «коллективного творчества»⁴.

Публикации текстов, осуществленные историками древней русской литературы, могут быть разбиты на два типа: критические научные публикации по всем основным редакциям с подведением

¹ Попытка поставить вопрос о необходимости изучения целых циклов литературных произведений сделана в предисловии к изданию текстов Повестей о Николѣ Зараском (Труды ОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 257 и сл.).

² «Сочинения И. Пересветова». Подготовил текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956.

³ Р. П. Дмитриева. «Сказание о князьях владимирских». М.—Л., 1955.

⁴ См. подробнее: Д. Лихачев. Некоторые новые черты в текстологических исследованиях последних лет. — Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка, 1955, вып. 5.

разночтений и выяснением конкретной литературной истории памятников и публикации дипломатические, выполненные по одному списку или по одной редакции. Последние должны явиться важным подспорьем в последующем полном научном издании памятника. Эти два типа научных изданий отнюдь нельзя смешивать, как нельзя смешивать научные издания памятников с изданиями, рассчитанными на массового читателя, — научно-популярными. Первый тип публикаций был представлен изданием «Слова» («Моления») Даниила Заточника, подготовленным к печати Н. Н. Зарубиным¹, изданием Киево-печерского патерика, выполненным Д. И. Абрамовичем², первой редакции Повести о Петре и Февронии Муромских³, Повести о Савве Грудцыне⁴, Повести о Улянии Осорьиной⁵, подготовленными М. О. Скрипилем, Задонщины (в двух видах: реально дошедших текстов и опыта реконструкции), подготовленным В. П. Адриановой-Перетц⁶, литературного наследия Феодосия Печерского и Кирилла Туровского, подготовленным И. П. Ереминым⁷, и ряда других памятников древнерусской литературы XI—XVII вв.

Предварительные и дипломатические публикации текста по одному списку были довольно многочисленны. Могут быть особо отмечены издания «Сказания о Вавилоне граде»⁸, «Девгениева

¹ Н. Н. З а р у б и н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932.

² Д. И. А б р а м о в и ч. Киево-печерський патерик. Київ, 1930 (Серия «Пам'ятки мови та письменства давньої України, т. IV»). В отличие от издания 1911 г. (Д. И. А б р а м о в и ч. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911), где были даны Арсеньевская и Касьяновская редакции, в основу издания 1930 г. была положена Касьяновская редакция.

³ М. О. С к р и п и л ь. Повести о Петре и Февронии. Тексты. — Труды ОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 215—256.

⁴ М. О. С к р и п и л ь. Повесть о Савве Грудцыне. Тексты. — Труды ОДРЛ, тт. II и III.

⁵ М. О. С к р и п и л ь. Повесть о Улянии Осорьиной (исторические комментарии и тексты). — Труды ОДРЛ, т. VI.

⁶ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Задонщина. Тексты и примечания. — Труды ОДРЛ, т. V; Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста). — Труды ОДРЛ, т. VII. Строгое различие изданий реально дошедших текстов от опытов реконструкций архетипов (по составу и по изложению) имеет крупное принципиальное значение. В текстологической практике XIX в. эти два различных типа изданий обычно смешивались, отсюда в XIX в. ряд изданий «сводных текстов» лишен научного значения.

⁷ И. П. Е р е м и н. Из истории древнерусской публикации XI в. (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах). — Труды ОДРЛ, т. II; Литературное наследие Феодосия Печерского. — Труды ОДРЛ, т. II; Литературное наследие Кирилла Туровского. — Труды ОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955.

⁸ М. О. С к р и п и л ь. «Сказание о Вавилоне граде». — Труды ОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953.

Деяния»¹, «Сказания о киевских богатырях»², Моления Даниила Заточника³ и Повестей о начале Москвы⁴. Некоторые из этих публикаций, как, например, издание второго списка «Слова о погибели Русской земли» В. И. Малышевым, имели выдающееся научное значение (до издания В. И. Малышева «Слово о погибели Русской земли» было известно только в одном списке).

Существует еще третий тип изданий памятников. Отличительная черта этого третьего типа изданий — научно-популярных в серии «Литературные памятники» — состояла в том, что все они явились результатом исследовательской работы по рукописям. Таковы издания посланий Грозного⁵, Повестей об Азове⁶, Временника дьяка Ивана Тимофеева⁷ и некоторых других. В этом новом отношении к изданиям научно-популярного типа сказалось то большое значение, которое придают советские ученые популяризации итогов науки. Научные достижения частично излагаются в изданиях, рассчитанных на широкого читателя; благодаря этому научно-популярные издания в нашей научной практике приобретают серьезное научное значение. С этой точки зрения следует отметить, что и в издании сборника «Русской повести XVII в.», выпущенном в 1954 г. Гослитиздатом, часть памятников издана по рукописям и не является перепечаткой из старых изданий (по рукописям печатается семь повестей из пятнадцати).

Особый интерес, как и всегда, привлекало к себе в послевоенные годы «Слово о полку Игореве». Прошедший в 1950 г. юбилей первого издания «Слова о полку Игореве» вызвал к жизни целый ряд новых переводов «Слова» на современный русский язык и языки народов Советского Союза; кроме того, о «Слове» появилось большое число научно-популярных изданий и серьезных работ. И в изучении «Слова о полку Игореве» явно видна та же тенденция, которая характерна для изучения всей древнерусской литературы: тенденция к конкретному пониманию па-

¹ В. Д. Кузьмина. Новый список «Девгениева Деяния». — Труды ОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953.

² Л. Н. Пушкарев. Новый список «Сказания о киевских богатырях». — Труды ОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953.

³ В. И. Малышев. Новый список «Слова Даниила Заточника». — Труды ОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948.

⁴ М. Н. Тихомиров. «Древняя Москва». М., 1947. Приложения: Четыре повести о начале Москвы.

⁵ Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. М.—Л., 1951.

⁶ Военские повести древней Руси. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1949.

⁷ Временник Ивана Тимофеева. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. М.—Л., 1951.

мятника в связи со всей исторической обстановкой, культурной и литературной традицией своего времени.

Исследователей прежде всего интересует связь «Слова» с литературой, культурой и исторической действительностью XII в. Ряд трудов посвящен жанровой природе «Слова о полку Игореве»¹, его идейному содержанию², языку³, взаимоотношению с фольклором⁴, отношению «Слова» к «Задонщине»⁵.

Основной исследовательский пафос всех работ о «Слове» послевоенных лет заключался в стремлении конкретно понять «Слово» в тесной связи с русской действительностью XII в., с классовой борьбой своего времени, в связи с идейными разногласиями и историческими познаниями тех времен, особенностями языка, материальной культуры и даже природы XII века. В этом направлении сложили свои усилия представители различных специальностей: литературоведы, лингвисты, искусствоведы, историки, археологи, природоведы, палеографы и др.

Исследования последних лет ясно показали в авторе «Слова» современника описываемых им событий, разъяснили ряд мало понятных и «темных» мест «Слова» и тем еще раз подтвердили его подлинность. Автор XVIII в. — будь то Бантыш-Каменский или кто-либо другой — не мог быть так хорошо осведомлен в реалиях XII в., оценить точность которых мы в состоянии только теперь, — после изучения всех видов исторических источников.

Как современник разбирается автор «Слова» в политическом положении отдельных русских княжеств: Владимиро-Суздаль-

¹ И. П. Еремин. «Слово о полку Игореве» (К вопросу о его жанровой природе). — Ученые записки Ленинградского Гос. университета, Серия филологических наук, вып. 9, Л., 1944; И. П. Еремин. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. — Сб. «Слово о полку Игореве», изд. Института русской литературы Академии Наук СССР, М.—Л., 1950; А. А. Назаревский. О жанровой природе «Слова о полку Игореве». — Київський Держ. Університет. Філологічний збірник № 7, Київ, 1955.

² Д. С. Лихачев. Общественно-политические идеи «Слова о полку Игореве». — Труды ОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951.

³ Особенное значение имеют работы: акад. С. П. Обнорского в книге «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода», М.—Л., 1946; Л. П. Якубинского в книге «История древнерусского языка», М., 1953. Ср. также работы А. А. Булаховского, С. И. Котова, Б. А. Ларина и др.

⁴ Наибольший принципиальный интерес представляет статья В. П. Адриановой-Перетц «„Слово о полку Игореве“ и устная народная поэзия». — «Слово о полку Игореве», М.—Л., 1950, Серия «Литературные памятники».

⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. — Труды ОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948.

ского, Галицкого, Полоцкой земли и т. д.¹. Только в самое последнее время мы сумели оценить правильность многих исторических указаний автора «Слова», до недавних пор казавшихся ошибочными (например, похороны Изяслава у святой Софии в Киеве²; исследователи предполагали, что Изяслав был похоронен в Десятинной церкви, и на этом основании без конца переиначивали и «оправдывали» текст «Слова»).

Язык «Слова» — несомненно язык второй половины XII в.³. Автор «Слова» употребляет политическую терминологию, которая начала входить в обиход только в 70-х годах XII в. (термин «господин» в отношении князя)⁴. Он правильно пользуется сложной феодальной и военной терминологией именно своего времени, феодальной символикой, понятной только для современников⁵. Как доказали исследования последнего времени, автор «Слова» употребляет тюркские слова в их типичной для XII в. форме⁶. Археологически точными оказались в «Слове» все указания на оружие⁷, одежду⁸. Этнографически подтвердились и древнерусские поверья, отразившиеся в сне Святослава Киевского⁹. Особый интерес представили работы, выяснившие точность «Слова о полку Игореве» в упоминаемых деталях степной природы¹⁰. На-

¹ А. В. Соловьев. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — Исторические записки, № 25, М.—Л., 1948; Д. С. Лихачев. Политический и исторический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — Сб. «Слово о полку Игореве», изд. Института русской литературы Академии Наук СССР, М.—Л., 1950.

² Ив. М. Кудрявцев. Заметка к тексту «Съ тоя же Каялы Святоплькъ» в «Слове о полку Игореве». — Труды ОДРЛ, М.—Л., 1949.

³ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка. М.—Л., 1946, стр. 132—198; Д. С. Лихачев. Из наблюдений над лексикой «Слова о полку Игореве». — Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка, т. VIII, 1949, вып. 6.

⁴ Д. С. Лихачев. Общественно-политические идеи «Слова о полку Игореве». — Труды ОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951.

⁵ Д. С. Лихачев. Устные основы поэтической системы «Слова о полку Игореве». — «Слово о полку Игореве», изд. Института русской литературы Академии Наук СССР, М.—Л., 1950.

⁶ С. Е. Малов. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». — Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка, т. V, 1946, вып. 2.

⁷ А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. — Доклады и сообщения Исторического факультета Московского Гос. университета, вып. 4, М., 1946.

⁸ А. В. Арциховский. Русская одежда X—XIII вв. — Доклады и сообщения Исторического факультета Московского Гос. университета, вып. 3, М., 1945.

⁹ М. П. Алексеев. К «сну Святослава» в «Слове о полку Игореве». — Сб. «Слово о полку Игореве», изд. Института русской литературы Академии Наук СССР, М.—Л., 1950.

¹⁰ Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку

конец, существенное значение имели попытки объяснить некоторые детали текста «Слова о полку Игореве», палеографические особенности его сгоревшей рукописи¹ и дать анализ его текстологических интерпретаций².

В работе сотрудников Сектора древнерусской литературы большое внимание уделялось участию в научно-популярной серии и в серии «Литературные памятники» Академии Наук СССР. Работа над различными научно-популярными изданиями направила внимание исследователей именно на те проблемы и на тот материал, который прежде всего нужен был советскому читателю. Потребности читателей вызвали необходимость в исторических и географических комментариях и привели к сближению литературоведов-медиевистов с представителями соседних дисциплин, заставили привлечь к изданиям историков, востоковедов, искусствоведов, специалистов в области исторической географии, археологов и т. д. Именно широкий круг советских читателей, их интересы и потребности направили исследовательскую мысль литературоведов в первую очередь на основные литературные произведения древней Руси. Научно-популярная серия и серия «Литературные памятники» привлекли внимание исследователей к Повести временных лет, к Поучению Владимира Мономаха, к воинским повестям древней Руси, к «Хождению» Афанасия Никитина и т. д. Научно-популярная серия возродила интерес исследователей к целостному изучению «Слова о полку Игореве». После нескольких десятилетий изучения «Слова» только по частным проблемам, характерного для эмпирического подхода буржуазного литературоведения к памятникам, научно-популярная книга акад. А. С. Орлова «Слово о полку Игореве» (1-е изд. — М.—Л., 1938; 2-е изд. — 1946) была первой, посвященной широкому, обобщающему осмыслению этого выдающегося памятника.

Игореве». — Труды ОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948; «Дебрь Кисаню» — «дебрь киянь». — Сб. «Слово о полку Игореве», изд. Института русской литературы Академии Наук СССР, М.—Л., 1950; Природа в «Слове о полку Игореве». — Там же; Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве». — Труды ОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951; Из комментариев к «Слову о полку Игореве». — Труды ОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954; Г. И. И м е д а ш в и л и. «Четыре солнца» в «Слове о полку Игореве». — Сб. «Слово о полку Игореве», изд. Института русской литературы Академии Наук СССР, М.—Л., 1950.

¹ М. В. Щ е п к и н а. Замечания о палеографических особенностях рукописи «Слова о полку Игореве». — Труды ОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953; В. Ф. Р ж и г а. Из текстологических наблюдений над «Словом о полку Игореве»: что такое «въ стазби». — Сб. «Слово о полку Игореве», изд. Института русской литературы Академии Наук СССР, М.—Л., 1950.

² Н. К. Г у д з и й. Судьба печатного текста «Слово о полку Игореве». — Труды ОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1949.

Научно-популяризаторская работа сотрудников Сектора имела еще и то значение, что приучала их быть менее замкнутыми в своих исследованиях, приучала считаться с уровнем знаний более широкого круга читателей, требовала доступного изложения. Такого рода результаты не замедлили сказаться и в тех исследованиях, которые печатались в Трудах ОДРЛ.

Важный пробел в исследованиях литературоведов — почти полное отсутствие статей и исследований, посвященных историографическим проблемам. Работы дворянских и буржуазных литературоведов, занимавшихся русскими памятниками XI—XVII вв., не подвергались открытому пересмотру, не отмечалось и то ценное, что в них имелось. Практически в своей собственной работе специалисты по древней русской литературе давно отошли от главных методологических ошибок, свойственных академической науке XIX, начала XX в. Однако отдельные неправильные точки зрения критиковались от случая к случаю, не больше.

Не все области древнерусской литературы в должной степени охвачены изучением, хотя в последнее время мы стремимся это положение исправить. Отмечу прежде всего, что мы мало занимаемся переводной литературой, имевшей большое значение в литературном развитии древней Руси и представляющей существенный интерес для изучения связей между славянскими литературами. Исследования в этой области почти не появляются. Однако это положение постепенно исправляется: Н. А. Мещерский, как уже было сказано, подготовил полное издание древнерусского текста «Иудейской войны» Иосифа Флавия. В основу этого издания, в отличие от парижского издания В. М. Истрина, будет положен Виленский список — лучший из сохранившихся.

Н. А. Мещерским выполнено, кроме того, очень интересное исследование древнерусского перевода книги Есфирь, сделанного в XI в. непосредственно с древнееврейского. Исследование этого перевода обстоятельно обрисовывает переводческое искусство XI в. В. Д. Кузьмина работает над переводной литературой конца XVII—начала XVIII в. В Трудах ОДРЛ публикуются отдельные переводные произведения (вновь найденные списки уже известных произведений или даже целые новые произведения по всем спискам): «Девгениево деяние»¹, «О причинах гибели царств»² и некоторые другие.

¹ В. Д. Кузьмина. Новый список «Девгениева деяния». — Труды ОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953.

² М. А. Салмина. «О причинах гибели царств», сочинение начала XVII в. — Труды ОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954.

Недостаточное внимание уделяется также житийной литературе. В настоящее время, впрочем, положение это также начинает постепенно выправляться. Л. А. Дмитриев готовит полное издание всех житий Михаила Клопского, усиленно занимается новгородской житийной литературой XV в. На очереди стоит изучение Великих Макарьевских Четвух миней с точки зрения истории общественной мысли. Обнаруженный недавно в Ярославле В. В. Лукьяновым превосходный список Киево-печерского патерика кассиановской редакции позволит в ближайшее время приступить к новому изданию этого замечательного памятника.

Крайне недостаточное внимание уделяется такой важной теме, как изучение традиций древней русской литературы в литературе нового времени. Хотя и в этой области имеются отдельные весьма ценные работы П. Н. Беркова, В. П. Адриановой-Перетц, В. Д. Кузьминой, С. А. Щегловой, вводящие новый, неизвестный дотоле материал¹.

Особенно досадный недостаток изучения древнерусской литературы за последнее десятилетие — слабое внимание, уделявшееся связям древнерусской литературы с литературами других славянских стран.

Каковы же основные задачи изучения древней русской литературы на ближайшие годы?

Основная задача, как мы уже отметили, одна: это исследование историко-литературного процесса XI—XVII вв. С этим должны быть связаны все основные литературоведческие вопросы, встающие перед изучающими древнюю русскую лите-

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Из сатирической литературы первой четверти XVIII века. Сатира Феодосия Яновского. — Труды ОДРЛ, т. IV, М.—Л., 1940; Новые материалы по истории русского школьного театра XVIII века. I. Троицкий диалог. II. К истории школьного театра в Астрахани. — Труды ОДРЛ, т. IV, М.—Л., 1940; Образцы общественно-политической пародии XVIII—начала XIX века. — Труды ОДРЛ, т. III, М.—Л., 1936; С. А. Щеглова. Неизвестная драма о смерти Петра I. — Труды ОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948; П. Н. Берков. О так называемых «петровских повестях». — Труды ОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949; М. В. Николаева. «История о Ярополе царевиче» и сказочно-былинная традиция. — Труды ОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949; Н. А. Бакланова. Вирши — панегирик петровского времени. — Труды ОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953; П. Н. Берков. К истории русского театра 1720-х годов. — Труды ОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954; В. Д. Кузьмина. Из истории русского демократического театра XVIII века. — Труды ОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954; Русская драма XVII—XVIII веков. Тексты пьес и описание представлений. Редакция, вст. статья и комм. П. Н. Беркова. М., 1953; П. Н. Берков. Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII вв. — Труды ОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1951.

ратуру: исследование ее классовых основ, ее связей с исторической действительностью, ее художественной формы, ее движения к реализму, ее народности, ее национальной специфики и т. д. Во всех этих областях необходимо вскрыть закономерности развития, рассматривать явления как исторически меняющиеся, исторически развивающиеся. Подлинно исторический подход, подход марксистской науки, явится здесь основным и всеобъемлющим для изучения всех сторон русской литературы XI—XVII вв.

В таком историко-литературном изучении древней русской литературы могут быть прежде всего намечены две области: область собирания материала и область его теоретического изучения в собственном смысле этого слова.

В области собирания материала предстоит еще огромная археографическая работа. Репертуар памятников, традиционно рассматривающийся в общих курсах истории русской литературы XI—XVII вв., в основном сложился в науке XIX—начала XX в. Советская литературоведческая наука, как мы видели, вступила уже на путь пополнения этого репертуара — главным образом памятниками светскими и историческими. Эту деятельность следует энергично продолжать. Необходима экспедиционная работа по собиранию рукописей, столь успешно ведущаяся пока одним только В. И. Малышевым. Необходимо систематическое описание рукописного материала в рукописных хранилищах. Эта последняя работа, к сожалению, почти заглохла, а намечающееся кое-где в рукописных хранилищах стремление подменить научное описание собраний составлением поверхностных и мало что дающих для науки «путеводителей» и обзоров таит в себе существенные опасности: «путеводители» не могут дать исчерпывающих сведений о составе сборников, создают у исследователей иллюзию изученности описываемых собраний, тогда как эта изученность может быть достигнута только в результате кропотливого и очень квалифицированного труда описывающего. Работа по составлению научных описаний должна проводиться в основном в самих рукописных хранилищах, руководство которых должно озаботиться тем, чтобы описания эти печатались. В рукописных хранилищах должна быть усилена плановая научная работа над материалами — не только библиографическая, но, в первую очередь, работа историческая, литературоведческая. Рукописные отделы должны стать исследовательскими центрами не только библиотечно-библиографического типа, но и общенаучной работы. Наметившаяся в некоторых наших крупных библиотеках тенденция рассматривать рукописные отделы как рядовые отделы библиотек должна быть признана вредной, ведущей к свертыванию научной работы в рукописных отделах. Рукописные отделы

наших всесоюзных библиотек должны стать подлинными научно-исследовательскими центрами, планирующими, направляющими, руководящими работами отдельных читателей, научно изучающими хранящиеся в них материалы по содержанию (а не только библиографически) и широко публикующими результаты своих исследований.

Другая важная задача, которая стоит перед областью собирания материала, — это задача научной публикации памятников. Публикации памятников тесно примыкают и сливаются с целями их историко-литературного изучения.

Необходимо издание полного корпуса лучших литературных произведений древней Руси, но каждый памятник должен быть издан не на основе одного только, хотя бы и самого «хорошего» списка, а во всех основных его редакциях, с полным его историко-литературным исследованием, с археографическими и конкретно-историческими комментариями.

Сектор древнерусской литературы с 1953 г. приступил к изданию серии памятников древнерусской литературы. Предполагается, что каждый памятник будет издаваться по возможности отдельно, с привлечением наибольшего числа списков по всем редакциям, с полными исследованиями и комментариями. По существу, это будут не только публикации памятников, но и научные монографии, им посвященные¹.

Само собой разумеется, что выводы такого рода исследований-публикаций или публикаций-исследований, как бы широки ни были их задачи, не могут еще исчерпать собой всех вопросов, которые стоят перед изучением историко-литературного процесса. Целый ряд вопросов может быть решен только на основе широкого сопоставления материалов самих памятников, объединенного изучения их различных сторон, сравнений с соседними явлениями культуры (с различного вида искусствами), с явлениями языка, с исторической действительностью.

В методике такого рода работ на основе привлечения широкого материала нужны крупные сдвиги. Буржуазная наука времени ее кризиса была склонна к эмпирическому изучению узко-частных вопросов, выработала несколько механических приемов определения времени памятника (без глубокого анализа его содержания), нахождения автора, установления «стабильного» текста и этим, в сущности, ограничивала основные вопросы изучения памятника. Положение советской науки совершенно иное: задачи выросли, усложнились, умножились, неизмеримо повы-

¹ См. статью Р. П. Дмитриевой «Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы». — Труды ОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955.

сились требования к методике исследований для решения проблем в свете марксистской методологии; наука отстает от предъявляемых к ней требований. Отсюда то сложное и одновременно счастливое положение, в котором находятся исследователи древнерусской литературы. Перед нами открываются широкие перспективы, огромная проблематика, все более властно и требовательно зовущие нас к решению основных вопросов историко-литературного развития.

Исследовательские проблемы будущего не могут быть намечены сейчас во всем их объеме. Частично они могут быть порождены самой исследовательской работой. В науке очень часто новаторской, определяющей путь развития исследования является сама постановка вопросов, проблем, определение методов подхода, исследовательского «угла зрения». Однако общее направление проблем должно все же каждый раз намечаться на основе существующего положения в науке, — по крайней мере, на ближайшие годы. Без этого не может осуществляться движение науки вперед, планомерное руководство ею.

Основная работа должна идти в области продолжения изучения русских литературных произведений в тесной связи с исторической действительностью. Литература XI—XVII вв. развивалась не имманентно, а в зависимости от изменений исторической действительности — она отражала состояние общества, в ней решительно давала себя знать классовая борьба, она сама была проявлением этой классовой борьбы. Вот почему использование методологического опыта и знаний историков — непременное условие успешной работы литературоведов-медиевистов. Без общепериодической периодизации невозможно построить периодизацию литературного процесса.

Без знания исторической действительности невозможен литературоведческий анализ любого памятника древнерусской литературы. Много в этом направлении уже сделано, но еще больше предстоит сделать.

Из частных проблем, разрешение которых особенно необходимо для построения научной истории русской литературы, помимо уже указанной проблемы периодизации, отметим следующие проблемы: национальное своеобразие русской литературы и ее постепенного развития, классовый характер древнерусской литературы, связи ее с литературой нового времени — XVIII и XIX вв., взаимоотношения с литературами других славянских народов, связи и взаимоотношения с фольклором, изучение переводной литературы.

В историко-литературном процессе имеются свои закономерности, свои особенности развития, не выводимые из одной только исторической действительности. Эта специфика истории

литературы лежит главным образом в художественности, в той сфере, которая вообще отделяет литературу от других форм творчества и от других проявлений культуры. Однако в области изучения художественного мастерства и его исторической изменчивости сделано чрезвычайно мало — почти ничего. И это обязывает нас в будущем с особенной внимательностью отнестись именно к этой области. Изучение художественной стороны древнерусских литературных произведений может производиться только в сугубо историческом разрезе: главным образом с целью изучения закономерностей развития в этой области, в строгом соответствии с содержанием произведений, так как только комплексное изучение содержания и формы художественных произведений может привести к историческому осмыслению изменчивости формы.

Задача изучения художественной формы в ее исторической изменчивости чрезвычайно важна для построения истории русской литературы XI—XVII вв. Исследовательского опыта здесь почти нет. Между тем предстоит изучать не только вопросы стиля, но и проблемы художественного обобщения в самом широком смысле этого слова. К этим вопросам литературоведы не выработали подхода, здесь нет даже какой-либо устоявшейся терминологии, неясны самые частные вопросы, которые должны ставиться.

В этой области литературоведы должны самым широким образом использовать опыт языковедов, с одной стороны (для изучения вопросов стиля главным образом), и, в особенности, опыт искусствоведов — с другой. Искусствоведы (у которых есть, конечно, свои недочеты) смогут помочь литературоведам своими работами — в выборе проблем, в выработке понятий и терминологии, в установлении методики анализа художественных произведений.

В частности, искусствоведы, как уже отмечалось выше, многое сделали в области изучения исторической изменчивости художественной формы.

Двигаясь вперед по пути изучения древнерусской литературы, мы не должны забывать и о прошлом нашей науки. От этого прошлого мы в очень многом зависим. Только путем правильной оценки прошлого нашей науки мы можем точно наметить пути будущих исследований. Нам нужно ясно осознать, что полезного внесла буржуазная наука, правильно оценить тот громадный запас фактических знаний и наблюдений, который она нам оставила, и очень точно, без нарочитых преувеличений определить ошибки, заблуждения и недочеты старой науки. Одним словом, необходимо вести работу в области историографии изучения древнерусской литературы. Эта работа

очень трудна, она требует специфических знаний, выходящих за пределы тех первых семи веков, которые «отпущены» литературоведам-медиевистам в их области.

Перед нашей наукой остро стоят вопросы развития дискуссий, борьбы мнений, критики и самокритики. Это тем более необходимо, что число специалистов в нашей дисциплине крайне ограничено и во всем Советском Союзе есть только один центр, где изучается древняя русская литература, — Сектор древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. В этих условиях развитие дискуссий, обсуждений, развертывание научных споров, развитие критики и самокритики особенно трудно и особенно необходимо. Значительным облегчением для этого, как и вообще для развертывания работ в области изучения литературы древней Руси, должна была бы явиться организация в Москве группы по изучению древнерусской литературы¹. В Москве проживает большое число высококвалифицированных специалистов в этой области, никак не объединенных, работающих без единого плана, не имеющих возможности обмениваться опытом. Только наличие нескольких центров (по крайней мере двух), параллельно изучающих один и тот же вопрос, может создать реальную почву для всех видов взаимопроверки и критики.

Наконец, надо сказать несколько слов о научно-популярной работе.

Исследователи древнерусской литературы должны продолжить свою популяризаторскую работу, должны сами доводить до широкого круга читателей (учителей, студентов и просто советской интеллигенции) достижения своей науки. Опыт показывает, что научно-популярная работа ученых имеет большое значение не только для читателей, но и для самих ученых. Ясность, простота, отчетливость мысли требуется в этих работах не меньше, чем в чисто научных, но эти качества всякой работы повернуты в научно-популярных изданиях несколько иначе, чем в исследованиях. Этот особый поворот самой точки зрения, при которой учитываются интересы широкого читателя, учителей, лекторов, вузовских преподавателей и т. д., будит творческую мысль, стимулирует продолжение работы, иногда вызывает потребности в уточнениях, в разъяснениях, снимает «туманность» отдельных формулировок, создающихся в исследованиях традиционностью и стереотипностью научного способа выражений.

¹ В настоящее время в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР работает только два специалиста по древнерусской литературе.

3 Библиография сов. раб. по древнерусск. лит.

Итак, мы стоим перед лицом чрезвычайного расширения и усложнения задач изучения древнерусской литературы.

История литературы не изолирована от других исторических дисциплин. Науки развиваются сейчас дружно, на основе единой марксистской методологии, они взаимно обогащаются опытом. Все это обязывает историков древней русской литературы обладать всесторонней эрудицией. Вот почему основная задача, наиболее важная, наиболее срочная, указанием на которую мне бы и хотелось закончить свою статью, — это задача подготовки молодых высококвалифицированных специалистов.

Д. Лихачев.